

Леонов Евгений Павлович
(пренесен)

318.01

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

22 сентября в "Ленкоме" откроется сезон. Самые яркие артисты труппы получают премию имени Евгения Леонова — за лучшую женскую и мужскую роль. Уже не первый год вручается эта премия в театре. Но нынешний сезон особый: на доме по 3-й Фрунзенской улице появится мемориальная доска — "Здесь жил Евгений Павлович Леонов". 2 сентября ему исполнилось бы 75 лет. Евгений Леонов был потрясающе добрым и открытым человеком. Но, как ни странно, его близких друзей можно перечислить по пальцам. Жена Ванда раньше не знала ни минуты покоя: в доме постоянно звонил телефон. Бесконечные посиделки на кухне, неутомимые приятели, ужины, затягивающиеся до утра. Теперь в квартире тихо, иногда даже слишком. Рядом остались только те, кто любил его по-настоящему. С Виктором Яковлевичем Дубровским Леонов познакомился в мае 1963 года. Виктор стал заведующим литературной частью в Театре Станиславского, где работал тогда Евгений Павлович. Их связала дружба, длившаяся тридцать один год.

В.Д.: В конце мая, сразу после моего назначения на должность завлита, театр поехал на гастроли в Казань. Обратившись к директору театра Василию Иосифовичу Гвельсиани и освободившийся от спектаклей Женя Леонов. Состоялся неожиданный и странный разговор между Гвельсиани и Евгением Павловичем, а я стал его невольным свидетелем. Стоя в коридоре купейного вагона, Гвельсиани наказывал Женю сделать все, чтобы сохранить театр. Леонов к тому времени уже прославился Лариосиком в "Днях Турбиных", стал одним из ведущих актеров театра. Меня немножко насторожило, почему вдруг Василий Иосифович завел такой разговор. Но, как потом оказалось, он был тяжело болен, прожил всего полгода. Может, потому, что мы оба оказались вовлеченными в эту беседу, может, еще почему-то, но мы с Женей почувствовали привязанность друг к другу. Буквально с того дня наши отношения все больше переходили в дружбу. Мы общались семьями, часто бывали друг у друга дома. И дети наши дружили — у него сын Андрей, у меня сын Андрей.

Для унаследовавшего авиационного техникума имени Серго Орджоникидзе Жени Леонова мечта о театре казалась несбыточной. Однажды своему дяде, литературному деятелю, автору диссертации о Есенине, он прочитал "Стихи о советском паспорте". На фразе "Я волком бы выгрыз бюрократизм" дядя чуть не свалился со стула от хохота. И вынес свой приговор: "Женя, это очень плохо". Достаточно представить себе Евгения Леонова "волком выгрызающего бюрократизм", чтобы понять, как ошибался дядя. К счастью, Леонов решил рискнуть и поступил учиться в Московскую театральную студию.

— У него было много друзей?

В.Д.: По-настоящему близких, с кем бы он чувствовал себя абсолютно комфортно, — немного, хотя он был человек очень открытый и контактный. Иногда, вроде бы в шутку, он говорил мне: "Как мы с тобой одиноки, давай уйдем в монастырь". Ему всегда хотелось чуть-чуть отстраниться от вечной суматохи вокруг себя.

— О какой суматохе идет речь?

В.Д.: Во-первых, его без конца узнавали. И он никому не отказывал в автографе. Когда мы уезжали на гастроли, это особенно бросалось в глаза. Он не мог сказать "нет", даже если совершенно незнакомые люди подходили на улице и приглашали его в гости. А что творилось в южных городах — Ростове, Баку, Тбилиси, Одессе! Местное гостеприимство иногда утомляло — раки, пиво, застолья. Он уставал от всего этого, но все равно не мог отказать. Я даже иногда говорил ему: "Женя, люди другого круга, вряд ли будет интересно провести с ними вечер". Тем более что он был человеком непьющим, я ни разу не видел его не только пьяным, но даже в подпитии. Хотя он мог себе позволить рюмку-другую — не больше, в застольях всегда принимал участие.

Ванда: Как-то у дома я села в такси, а водитель спрашивает: "Вы знаете, что здесь Леонов живет?" Я удивилась: "А вы что, с ним знакомы?" — "Да, — говорит, — мы часто вместе выпиваем. Он это дело любит". Я промолчала, но на подъезде к театру не выдержала и сказала ему: "Знаете, а ведь я его жена". Он покраснел сильно. А я говорю: "Как вам не стыдно, вы же наврала. Ладно — мне, но завтра вы сказали бы еще кому-то, тот бы друзьям перередал". И так, когда мы сюда переехали, очень долго все считали, что Женя алкоголик. Он обычно шел из театра домой — шапка огромная, под мышкой папка с пьесой, уставший, ссутулившись. И люди сразу думали — значит, пьяный. В нашем подъезде жил один инвалид, он однажды подошел к Жене: "Евгений Павлович, мы столько лет за вами следили, считали, что вы пьете каждый день. А вы, оказывается, трезвенник".

В.Д.: Однажды в Баку я пошел с ним на рынок, хотя не очень-то люблю это занятие. Боже мой, там творилось что-то совершенно невозможное! Торговцы зазывали его на разные голоса: "Леонов, иди сюда, возьми дыню, возьми персик". Он рассказывал, что в Москве на рынках и в магазинах происходило то же самое. Его буквально рвали на части.

— Он любил вкусно поесть?

В.Д.: Очень. Иногда даже Ванда говорила ему: "Женя, ну хватит, посмотри, какой ты толстый!" Мистерски разделялся с раками, это его фирменное блюдо.

Раков он действительно мог съесть целое ведро. Но в еде не признавал никаких изысков. Как утверждает Ванда, "он просто любил пожрать". Предпочитал самую простую пищу — селедку, пюре или картофельные котлеты с киселем.

— Евгений Павлович не комплексовал по поводу своей полноты?

В.Д.: Наоборот. Он даже иногда говорил о какой-нибудь роли: "Да, сейчас я уже могу ее сыграть. Я наел фактуру". Он довольно рано наел свою фактуру, да и облысел рано. Уже Лариосика он играл в паричке, хотя до того был белокурый, кудрявый и стройный.

В 1961 году Леонова настиг его звездный час в кино. Сыграв "укротителя" Шулейкина в фильме Владимира Фетина "Полосатый рейс", он мгновенно стал любимым комиком буквально всех слоев населения. Тем более что впервые в советском кинематографе артист выступил в стиле "ню", продемонстрировав с экрана обнаженную натуру. Позднее Евгений Павлович писал: "Я первым из актеров показал свой мощный зад советскому народу. Сцена, где мой горе-укротитель убегает от тигра, выскочив из ванны, поразила министра культуры Екатерину Фурцеву. Потом было много нареканий..." Когда пару лет спустя тот же режиссер Фетин предложил Леонову роль Якова Шибалка в "Донской повести" по Михаилу Шолохову, изумлению актера не было предела. Худсовет "Ленфильма" тоже считал, что после "Полосатого рейса" Леонову не место в подобной экранизации. Но Фетин сумел убедить всех и настоять на своем. К роли Шибалка Евгений Павлович всю жизнь относился с особой нежностью — как к первой своей драматической роли в кино. Он считал, что Фетин сделал выбор под впечатлением его рассказов о сыне. Когда Леонов говорил об Андрее, на глазах у него иногда появлялись слезы... Сына он обожал.

В.Д.: Он очень радовался, что Андрей пошел в Щукинское училище и стал артистом. Но когда Андрюша был маленьким, Женю довольно часто вызывали в школу, и он, как провинившийся ученик, стоял в углу, пока педагоги его отчитывали за проделки сына. Позже он написал о такой ситуации смешную фразу: "Я почувствовал, как стали мокрыми мои мокасины". С Вандой он познакомился в Свердловске, на улице, во время гастролей. Она училась в Свердловской консерватории. Как рассказывал Женя, он шел по улице и увидел, что один из артистов его театра остановил симпатичную, милую блондинку и кадрирует ее волосам. Женя подошел, они познакомились. Тогда у них и начался роман. Я знаю, что самым дорогим в его жизни была семья. Не роли, не режиссеры, не пьесы, которые так волновали его душу, — нет. Семья — это святое.

Из режиссеров он обожал работать с Георгием Данелией. А тот вообще считал Леонова своим

Счастливые родители. Андрюше Леонову всего несколько месяцев

ПОЛОСАТЫЙ РЕЙС

ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Евгений Леонов: "Я первым показал свой зад советскому народу"

талисманом. Но одной из любимейших Жениных ролей стала роль Сарафанова в фильме Виталия Мельникова "Старший сын" по Вампилову. Наверное, она близка ему по линии взаимоотношений с близкими, с сыном. Я уверен, что его потребность в ласке и внимании была больше, чем он получал. Хотя и Ванда была бесконечно нежна с ним, и друзья его любили. Его нельзя было не любить, он был фантастически добрым человеком. Не случайно он так трогательно относился к животным.

— У него дома жили кошки-собаки?

В.Д.: У него всегда жили собаки. Любимый пес Тимофей — спаниель. Мой сын до сих пор упоминает один случай. Как-то Женя принес нам щенка — отпрыска своего Тимофея. А я очень дискомфортно себя чувствую, когда в доме собака, такой у меня заскок. Дверь открыл мой сын — на пороге Женя с Андреем, а в руках, в качестве подарка, щенок. Я вышел на звонок и поднял шум — ни в коем случае, я против. Мой сын в слезы, его Андрей — тоже. Женя забрал щенка и был расстроен невероятно, обиделся на меня страшно! Когда его Тимофей погуб, он взял другую собаку и тоже назвал Тимофеем.

— Это правда, что однажды Евгений Павлович поссорился с парторгом из-за звания?

В.Д.: Я стал свидетелем той истории. Парторгом Театра Станиславского тогда был артист Николай Дупак. Очень порядочный, хороший человек, впоследствии ставший директором Театра на Таганке. Он прошел долгие годы бок о бок с Любимовым, рискуя и головой, и партбилетом. Но тогда в Театр Станиславского пришла директива — столько-то артистов надо уволить, сократить штат. На худсовете поставили вопрос и стали обсуждать поименно, по алфавиту — кого оставить, а кого нет. Во второй или третьей фамилии Женя не выдержал и сказал: "Хватит, чем мы занимаемся! Я не стану подставлять своих товарищей". Николай Дупак, который сам был человеком партийным и подневольным, сказал, что так надо, никуда не деться. Начался ор, взаимные реплики, и в ходе спора Дупак выпалил: "Если б я знал, то не сделал бы тебе звания заслуженного!" Тогда Женя сбросил с себя пиджак, стал его топтать и кричал: "Это ты мне сделал звание? Ты?!"

— Он был вспыльчив?

В.Д.: Ну, когда доводили, мог и вспылить. Такое на моей памяти случалось, особенно когда он видел какую-то несправедливость.

— А жестким он умел быть? С сыном или с коллегами?

В.Д.: Пытался, но не получалось. Хотя веревки из него не совьешь. Добрый — да, но неуступчивый в тех вещах, в которых уверен.

— Леонов проработал в "Маяковке" всего четыре года — пока не случился скандал с рыбой нототений.

В.Д.: Сейчас все привыкли к тому, что известные артисты занимаются рекламой. А тогда, 25 лет тому назад, это было совершенно невозможным и недопустимым делом. Тогда напротив Жениного дома открылся магазин "Океан", на открытие позвали несколько камер, среди покупателей был и Леонов — не знаю, случайно он там оказался или его пригласили. Его тут же взяли в кадр, он покупал рыбу нототению. И Женя сказал пару слов — мол, я рад, что открылся такой магазин, красивый, с большим выбором. Не уверен, видел Гончаров этот сюжет или ему кто-то рассказал, но он рассердился. Он был первым Жениным учителем. И его протест против участия в рекламе артиста такого масштаба вполне понятен. Мы же не можем представить себе Качалова, который рекламирует какую-нибудь скумбрию. Андрей Александрович тогда во всеулышание высказал свое мнение, правда, Женя при этом не присутствовал. Он сказал: "Негоже артисту с таким именем сниматься в рекламе нототений". Хотя думаю, что Жене пересказали его слова в более жесткой редакции.

Ванда: Директор магазина попросил сказать несколько фраз для съемочной группы, и Женя согласился. Гончаров потом припоминал ему эту казю репетицию: "Вот наш ведущий актер рекламирует рыбу. Это неприлично. Давайте, мы для вас, Евгений Павлович, шапку по кругу пустим, что ли". Нет, не в гневе говорил, скорее в шутку. Хотя шутка довольно язвительная.

— Он действительно из-за этого ушел из театра?

В.Д.: Нет. Реальной причиной стали сложности с Жениными съемками. Сыграл свою роль и змей-искуситель Марк Анатольевич Захаров. Его отношение к кинематографу куда более лояльное. А Гончаров в этом смысле непоколебим, он всегда был убежденным противником киносъемок в больших масштабах, хотя у нас в театре снимались все: и Женя Симонова, и Наташа Гундарева, и Костолевский, и Немолова, и Фатюшин.

Я знаю, что в "Ленкоме" Женя сначала чувствовал себя не совсем комфортно в творческом плане. Ему казалось, что он немножко "слон в посудной лавке". Поскольку театр молодежный, динамичный, все танцуют, поют. Но Марк Анатольевич очень мудро распорядился его талантом и предложил ему замечательные роли, которые Женя сыграл по-своему, не подделываясь под молодежный стиль и вместе с тем вписавшись в общую эстетику театра.

— Может, он и петь любил?

В.Д.: Нет. Хотя однажды ему даже довелось сниматься в фильме по произведению Шостаковича "Москва — Черемушки". Дмитрий Дмитриевич пришел как-то на репетицию, послушал и сказал: "Удивительное дело, ни в одну ноту не попал, а спел замечательно". Еще Женя спел для детской пластинки "Робин Гуд", где у него была роль кого-то из придворных. Он исполнил чудную песню: "Из чего только сделаны мальчики, из чего только сделаны девочки". Причем вместе с ним там работали профессионалы — Лещенко, Толкунов, Кобзон. Ну и, конечно, если это можно назвать пением, он пел в мультфильме за Винни-Пуха, про опилки в голове.

— Скажите, а эти крылатые фразочки из его ролей переходили в домашний обиход?

В.Д.: Нет. Есть актеры, которые любят щегольнуть фразой из роли. Но в нем совершенно не присутствовало такого Актера Актерича. Он был человек из толпы — и по своему облику, и по характеру, и по связи с людьми. Абсолютно органичен и естественен во всем. Никогда не находился "над" или "вне". Иногда сам он шутил: "Я любимый артист официанток и шоферов".

Катя ПРЯНИК.

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

22 сентября в "Ленкоме" откроется сезон. Самые яркие артисты труппы получат премию имени Евгения Леонова — за лучшую женскую и мужскую роль. Уже не первый год вручается эта премия в театре. Но нынешний сезон особый: на доме по 3-й Фрунзенской улице появится мемориальная доска — "Здесь жил Евгений Павлович Леонов". 22 сентября ему исполнилось бы 75 лет. Евгений Леонов был потрясающе добрым и открытым человеком. Но, как ни странно, его близких друзей можно перечислить по пальцам. Жена Ванда раньше не знала ни минуты покоя: в доме постоянно звонил телефон. Бесконечные посиделки на кухне, неугомонные приятели, ужины, затягивающиеся до утра. Теперь в квартире тихо, иногда даже слишком. Рядом остались только те, кто любил его по-настоящему. С Виктором Яковлевичем Дубровским Леонов познакомился в мае 1963 года. Виктор стал заведующим литературной частью в Театре Станиславского, где работал тогда Евгений Павлович. Их связала дружба, длившаяся тридцать один год.

В.Д.: В конце мая, сразу после моего назначения на должность завлита, театр поехал на гастроли в Казань. Обратном возвращались втроем — я, директор театра Василий Иосифович Гвельсиани и освобожденный от спектаклей Женя Леонов. Состоялся неожиданный и странный разговор между Гвельсиани и Евгением Павловичем, а я стал его невольным свидетелем. Стоя в коридоре купейного вагона, Гвельсиани приказывал Жене сделать все, чтобы сохранить театр. Леонов к тому времени уже прославился Лариосиком в "Днях Турбиных", стал одним из ведущих актеров театра. Меня немножко насторожило, почему вдруг Василий Иосифович завел такой разговор. Но, как потом оказалось, он был тяжело болен, прожил всего полгода. Может, потому, что мы оба оказались вовлеченными в эту беседу, может, еще почему-то, но мы с Женей почувствовали привязанность друг к другу. Буквально с того дня наши отношения все больше переходили в дружбу. Мы общались семьями, часто бывали друг у друга дома. И дети наши дружили — у него сын Андрей, у меня сын Андрей.

Для учащегося авиационного техникума имени Серго Орджоникидзе Жени Леонова мечта о театре казалась несбыточной. Однажды своему дяде, литературному деятелю, автору диссертации о Есенине, он прочитал "Стихи о советском паспорте". На фразе "Я волком бы выгрыз бюрократизм" дядя чуть не свалился со стула от хохота. И вынес свой приговор: "Женя, это очень плохо". Достаточно представить себе Евгения Леонова "волком выгрызающего бюрократизм", чтобы понять, как ошибался дядя. К счастью, Леонов решил рискнуть и поступил учиться в Московскую театральную студию.

— У него было много друзей?
В.Д.: По-настоящему близких, с кем бы он чувствовал себя абсолютно комфортно, — немного, хотя он был человек очень открытый и контактный. Иногда, вроде бы в шутку, он говорил мне: "Как мы с тобой одиноки, давай уйдем в монастырь". Ему всегда хотелось чуть-чуть отстраниться от вечной суматохи вокруг себя.

Счастливые родители. Андрюше Леонову всего несколько месяцев

ПОЛОСАТЫЙ РЕЖИССЕР

ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Евгений Леонов: "Я первым показал свой зад советскому народу"

— О какой суматохе идет речь?

В.Д.: Во-первых, его без конца узнавали. И он никому не отказывал в автографе. Когда мы уезжали на гастроли, это особенно бросалось в глаза. Он не мог сказать "нет", даже если совершенно незнакомые люди подходили на улице и приглашали его в гости. А что творилось в южных городах — Ростове, Баку, Тбилиси, Одессе! Местное гостеприимство иногда утомляло — раки, пиво, застолья. Он уставал от всего этого, но все равно не мог отказать. Я даже иногда говорил ему: "Женя, люди другого круга, вряд ли будет интересно провести с ними вечер". Тем более что он был человеком непьющим, я ни разу не видел его не только пьяным, но даже в подпитии. Хотя он мог себе позволить рюмку-другую — не больше, в застольях всегда принимал участие.

Ванда: Как-то у дома я села в такси, а водитель спрашивает: "Вы знаете, что здесь Леонов живет?" Я удивилась: "А вы что, с ним знакомы?" — "Да, — говорит, — мы часто вместе выпиваем. Он это дело любит". Я промолчала, но на подъезде к театру не выдержала и сказала ему: "Знаете, а ведь я его жена". Он покраснел сильно. А я говорю: "Как вам не стыдно, вы же наврали. Ладно — мне, но завтра вы сказали бы еще кому-то, тот бы друзьям передал". И так, когда мы сюда переехали, очень долго все считали, что Женя алкоголик. Он обычно шел из театра домой — шапка огромная, под мышкой папка с пьесой, уставший, сочувлившийся. И люди сразу думали — значит, пьяный. В нашем подъезде жил один инвалид, он однажды подошел к Жене: "Евгений Павлович, мы столько лет за вами следим, считали, что вы пьете каждый день. А вы, оказывается, трезвенник".

В.Д.: Однажды в Баку я пошел с ним на рынок, хотя не очень-то люблю это занятие. Боже мой, там творилось что-то совершенно невозможное! Торговцы зазывали его на разные голоса: "Леонов, иди сюда, возьми дыню, возьми персик". Он рассказывал, что в Москве на рынках и в магазинах происходило то же самое. Его буквально рвали на части.

— Он любил вкусно поесть?

В.Д.: Очень. Иногда даже Ванда говорила ему: "Женя, ну хватит, посмотри, какой ты толстый!" Мастерски разделялся с раками, это его фирменное блюдо.

Раков он действительно мог съесть целое ведро. Но в еде не признавал никаких изысков. Как утверждает Ванда, "он просто любил жарить". Предпочитал самую простую пищу — селедку, пюре или картофельные котлеты с киселем.

— Евгений Павлович не комплексовал по поводу своей полноты?

В.Д.: Наоборот. Он даже иногда говорил о какой-нибудь роли: "Да, сейчас я уже могу ее сыграть. Я наел фактуру". Он довольно рано наел свою фактуру, да и облысел рано. Уже Лариосика он играл в паричке, хотя до того был белокурый, кудрявый и стройный.

В 1961 году Леонова настиг его звездный час в кино. Сыграв "укротителя" Шулейкина в фильме Владимира Фетина "Полосатый рейс", он мгновенно стал любимым комиком буквально всех слоев населения. Тем более что впервые в советском кинематографе артист выступил в стиле "ню", продемонстрировав с экрана обнаженную натуру. Позднее Евгений Павлович писал: "Я первым из актеров показал свой мощный зад советскому народу. Сцена, где мой горе-укротитель убегает от тигра, выскочив из ванны, поразила министра культуры Екаторину Фурцеву. Потом было много нареканий..." Когда пару лет спустя тот же режиссер Фетин предложил Леонову роль Якова Шибалка в "Донской повести" по Михаилу Шолохову, изумлению актера не было предела. Худсовет "Ленфильма" тоже считал, что после "Полосатого рейса" Леонову не место в подобной экранизации. Но Фетин сумел убедить всех и настоять на своем. К роли Шибалка Евгений Павлович всю жизнь относился с особой нежностью — как к первой своей драматической роли в кино. Он считал, что Фетин сделал выбор под впечатлением его рассказов о сыне. Когда Леонов говорил об Андрее, на глазах у него иногда появлялись слезы... Сына он обожал.

В.Д.: Он очень радовался, что Андрей пошел в Щукинское училище и стал артистом. Но когда Андрюша был маленьким, Женю довольно часто вызывали в школу, и он, как провинившийся ученик, стоял в углу, пока педагоги его отчитывали за проделки сына. Позже он написал о такой ситуации смешную фразу: "Я почувствовал, как стали мокрыми мои мокасины". С Вандой он познакомился в Свердловске, на улице, во время гастролей. Она училась в Свердловской консерватории. Как рассказывал Женя, он шел по улице и увидел, что один из артистов его театра остановил симпатичную, милую блондинку и кадрит ее вождем. Женя подошел, они познакомились. Тогда у них и начался роман. Я знаю, что самым дорогим в его жизни была семья. Не роли, не режиссеры, не пьесы, которые так волновали его душу, — нет. Семья — это святое.

Из режиссеров он обожал работать с Георгием Даниэлем. А тот вообще считал Леонова своим

В.Д.: Я стал свидетелем той истории. Парторгом Театра Станиславского тогда был артист Николай Дупак. Очень порядочный, хороший человек, впоследствии ставший директором Театра на Таганке. Он прошел долгие годы бок о бок с Любимовым, рискуя и головой, и партбилетом. Но тогда в Театр Станиславского пришла директива — столько-то артистов надо уволить, сократить штат. На худсовете поставили вопрос и стали обсуждать поименно, по алфавиту — кого оставить, а кого нет. На второй или третьей фамилии Женя не выдержал и сказал: "Хватит, чем мы занимаемся! Я не стану подставлять своих товарищей". Николай Дупак, который сам был человеком партийным и подневольным, сказал, что так надо, никуда не деться. Начался ор, взаимные реплики, и в ходе спора Дупак выпалил: "Если б я знал, то не сделал бы тебе звания заслуженного!" Тогда Женя сбросил с себя пиджак, стал его топтать и кричал: "Это ты мне сделал звание? Ты!?"

— Он был вспыльчив?

В.Д.: Ну, когда доводили, мог и вспылить. Такое на моей памяти случалось, особенно когда он видел какую-то несправедливость.

— А жестким он умел быть? С сыном или с коллегами?

В.Д.: Пытался, но не получалось. Хотя веревка из него не сошьешь. Добрый — да, но неуступчивый в тех вещах, в которых уверен.

— Леонов проработал в "Маяковке" всего четыре года — пока не случился скандал с рыбой нототенией.

В.Д.: Сейчас все привыкли к тому, что известные артисты занимаются рекламой. А тогда, 25 лет тому назад, это было совершенно невозможным и недопустимым делом. Тогда напротив Жениного дома открылся магазин "Океан", на открытие позвали несколько камер, среди покупателей был и Леонов — не знаю, случайно он там оказался или его пригласили. Его тут же взяли в кадр, он покупал рыбу нототению. И Женя сказал пару слов — мол, я рад, что открылся такой магазин, красивый, с большим выбором. Не уверен, видел Гончаров этот сюжет или ему кто-то рассказал, но он рассердился. Он был первым Жениным учителем. И его протест против участия в рекламе артиста такого масштаба вполне понятен. Мы же не можем представить себе Качалова, который рекламирует какую-нибудь скумбрию. Андрей Александрович тогда во всеуслышание высказал свое мнение, правда, Женя при этом не присутствовал. Он сказал: "Негоже артисту с таким именем сниматься в рекламе нототении". Хотя думаю, что Жене пересказали его слова в более жесткой редакции.

Ванда: Директор магазина попросил сказать несколько фраз для съемочной группы, и Женя согласился. Гончаров потом припомнил ему это каждую репетицию: "Вот наш ведущий актер рекламирует рыбу. Это неприлично. Давайте, мы для вас, Евгений Павлович, шапку по кругу пустим, что ли". Нет, не в гневе говорил, скорее в шутку. Хотя шутка довольно язвительная.

— Он действительно из-за этого ушел из театра?

В.Д.: Нет. Реальной причиной стали сложности с Жениными съемками. Сыграл свою роль и змей-искуситель Марк Анатольевич Захаров. Его отношение к кинематографу куда более лояльное. А Гончаров в этом смысле непоколебим, он всегда был убежденным противником киношмек в больших масштабах, хотя у нас в театре снимались все: и Женя Симонова, и Наташа Гундарева, и Костомаров, и Немоляева, и Фатюшин.

Я знаю, что в "Ленкоме" Женя сначала чувствовал себя не совсем комфортно в творческом плане. Ему казалось, что он немножко "слон в посудной лавке". Поскольку театр молодежный, динамичный, все танцуют, поют. Но Марк Анатольевич очень мудро распорядился его талантом и предложил ему замечательные роли, которые Женя сыграл по-своему, не подделываясь под молодежный стиль и вместе с тем вписавшись в общую эстетику театра.

— Может, он и петь любил?

В.Д.: Нет. Хотя однажды ему даже довелось сниматься в фильме по произведению Шостаковича "Москва — Черемушки". Дмитрий Дмитриевич пришел как-то на репетицию, послушал и сказал: "Удивительное дело, ни в одну ноту не попал, а спел замечательно". Еще Женя спел для детской пластинки "Робин Гуд", где у него была роль кого-то из придворных. Он исполнил чудную песню: "Из чего только сделаны мальчики, из чего только сделаны девочки". Причем вместе с ним там работали профессионалы — Лещенко, Толкунова, Кобзон. Ну и, конечно, если это можно назвать пением, он пел в мультфильме за Винни-Пуха, про опилки в голове.

— Скажите, а эти крылатые фразочки из его ролей переходили в домашний обиход?

В.Д.: Нет. Есть актеры, которые любят щегольнуть фразой из роли. Но в нем совершенно не присутствовало такого Актера Актерича. Он был человек из толпы — и по своему облику, и по характеру, и по связи с людьми. Абсолютно органичен и естественен во всем. Никогда не находился "над" или "вне". Иногда сам он шутил: "Я любимый артист официанток и шоферов".

Катя ПРЯНИК.